

Виктор Моисеевич Далин
БАБЕФ и МАРАТ в 1789-1790 годах

Вопросы истории, 1956, № 9. С.45-58

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Материалы о Бабефе: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

о Марате: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#marat>

об авторе, В.М.Далине: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

Взаимоотношения между Бабефом и Маратом до сих пор только вскользь освещались их биографами. Обычно, и притом бегло, отмечались выступления Марата в защиту Бабефа во время первого его ареста в Консьержери (май—июль 1790 г.) и брошюра Бабефа, написанная в марте 1793 г. по поручению и от имени Фурнье (Американца) против Марата¹. Альбер Матъез видел в этом проявление «неблагодарности»² со стороны Бабефа, и даже М. Домманже, бесспорно, наилучший знаток биографии Бабефа и истории бабувистского движения, отмечает противоречие между похвалами по адресу Марата в «Tribun du peuple» и «ядовитыми (virulentes) нападка», содержащимися в брошюре, написанной от имени Фурнье³.

Справедлив ли этот упрек? Были ли разногласия между Бабефом и Маратом только проявлением «неблагодарности» или в них сказались более глубокие, принципиальные расхождения? Не дают ли эти разногласия ответа на вопрос, был ли Марат в действительности вождем и идеологом плебейства, а «маратизм» (если он существовал) идейным течением, формулировавшим социально-экономическую программу действий плебейских масс? Был ли ранний Бабеф только мелкобуржуазным уравнителем? Нам кажется, что вопрос о взаимоотношениях Бабефа и Марата представляет далеко не узкобиографический интерес и требует тщательного изучения.

Богатейшие рукописные материалы из личного архива Бабефа, хранящиеся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, дают возможность гораздо полнее, чем до сих пор, осветить этот вопрос. В настоящей очерке мы ограничимся только начальным периодом революции, 1789—1790 годами⁴.

I

Из всего литературного и эпистолярного наследия Бабефа, относящегося к 1789 г., нам до сих пор были известны только его «Постоянный

¹ «L'Ami du peuple», № 153 et 155, 4 et 6 juillet 1789.—Fournier (Americain) à Marat. Paris, 14 mai, l'an 2 de la République française (Библиотека Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

² В отзыве на работу М. Домманже («Babeuf et la conspiration des Egaux») А. Матъез писал: «Он (Домманже.— В. Д.) не скрывает, что Бабеф, который был обязан своим освобождением весной 1790 г. вмешательству Марата, оплатил ему неблагодарностью три года спустя, оказав содействие Фурнье — Американцу против Друга народа» («Annales révolutionnaires», 1923, p. 78).

³ М. Домманже et. Pages choisies de Babeuf. Paris, 1935, p. 200 (note 1). Следует отметить, что в вводных статьях и комментариях Домманже содержится очень много ценных указаний, основанных на разработке как парижских, так и департаментских архивов. После книги Адвиелля эта работа Домманже является самым важным вкладом в изучение биографии Бабефа.

⁴ Все неопубликованные документы печатаются с разрешения дирекции Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, которой автор выражает благодарность за оказанное ему содействие в разработке этой коллекции, более богатой, чем все имеющиеся собрания материалов о Бабефе в самой Франции.

кадастр» и несколько писем к жене, опубликованных еще в 1884 г. Виктором Адвиеллем⁵.

В одном из этих писем (4 октября 1789 г.) Бабеф упоминает, что, занятый «Постоянным кадастром», он с трудом находит время для составления корреспонденций в Лондон для г. де Тура. «Я вчера еще получил письмо от него. Это дело начинается при самых благоприятных предзнаменованиях»⁶. Однако до сих пор вопросом об этих «лондонских корреспонденциях» Бабефа не занимался ни один из его биографов. Даже М. Домманже уделил им только несколько строк, в которых ограничился изложением приведенного выше письма Бабефа⁷.

Часть этих корреспонденций в двух «списках» нами обнаружена в московском архиве Бабефа. Сохранилась черновая рукопись Бабефа, представляющая собой своеобразный дневник парижских событий в октябре 1789 г., доведенный до 29 октября. Второй, уже переписанный экземпляр, доводит изложение только до 8 октября 1789 года. Рукопись превосходно сохранилась, в ней нет никаких исправлений; она находится в таком состоянии, в каком Бабеф предназначал ее для печати⁸.

Трудно пока установить, что должно было представлять собой это лондонское издание. В одном из писем Бабеф писал, что у него имелся даже договор с известным издателем и литератором Панкуком. Некоторый свет на этот вопрос проливает сообщение, помещенное в начале рукописи вместо заголовка: «Поспешность, с которой обстоятельства заставили нас составить наш первый номер, не дали возможности объявить в нем и последовать тому образцу, которому мы поставили своей задачей следовать при продолжении настоящего предприятия, а именно, установить точное различие между двумя главными статьями, из которых одна посвящается отчету о заседаниях Национального собрания, а другая — новостям столицы и провинции, собиранию всех фактов, могущих содействовать последовательному освещению общего настроения умов»⁹.

Вероятно, Бабеф должен был вести только французскую рубрику какого-то более обширного издания, которое предполагали издавать в Лондоне Панкук и де ла Тур. Во всяком случае, сохранившаяся у нас корреспонденция была уже второй; в первой, отосланной, очевидно, в начале октября, Бабеф только вкратце упомянул о банкете 1 октября в Версале, потому что не располагал еще полными сведениями, и вернулся к этому вопросу в своем втором письме¹⁰.

Первое письмо было написано и отправлено из Парижа, но увидело ли оно свет, мы не знаем. Труднее датировать второе письмо. В протоколе допроса Бабефа в 1790 г., хранящемся в архиве Института марксизма-ленинизма, имеется его сообщение, что он пробыл в Париже с 16—17 июля до 18 октября 1789 г., после чего вернулся в Руа¹¹. Так как в черновой рукописи упоминается 29 октября, то несомненно, что Бабеф работал над

⁵ V Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme d'après de nouveaux documents inédits. V. 1. Paris. 1884.

⁶ Там же, стр. 65.

⁷ М. Домманже. Указ. соч. стр. 71.

⁸ Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) (15 В 1 и 17 В III). Первая рукопись на 78 страницах (in 4°), с большим количеством правок и зачетов на полях, носит незаконченный характер, особенно вторая ее половина (стр. 51—78). Вторая рукопись (двадцать страниц in f°, без пагинации) почти не имеет различий с первой.

⁹ ИМЛ, 15 В 1 — в дальнейшем все неоговоренные сноски взяты из этой рукописи «лондонских корреспонденций» Бабефа.

¹⁰ Описывая банкет 1 октября в Версале и выступления монархистов против национальной кокарды, Бабеф писал, что он дает на этот раз «гораздо более подробный рассказ о Версальской оргии, чем тот, который мы были в состоянии поместить в нашем первом №».

¹¹ Interrogatoire de Babeuf feudiste, du mercredi 26 mai 1790 (архив ИМЛ, 43 В III). Это указание самого Бабефа окончательно опровергает сообщения Адвиелля о том, что Бабеф 14 июля был в Париже в числе «победителей Бастилии» (V. Advielle. Указ. соч. Т. I, стр. 53), давно уже подвергнутое сомнению биографами Бабефа.

ней уже в Руа, но возможно, что она начата была еще в Париже, во всяком случае, в ней описаны события, личным очевидцем которых был Бабеф.

14 ноября 1789 г. Ж. П. Одиффре, издатель и в известной мере соавтор «Постоянного кадастра», на квартире которого Бабеф жил во время своего пребывания в Париже, сообщил ему о необходимости «прекратить всякую переписку с г. Туром», так как последний не оплатил выданных им Одиффре векселей, в погашение авансированных ему сумм, и нет никаких надежд на их оплату, так как ла Тур «прекратил издание своей газеты из-за отсутствия средств»¹².

Бабеф, повидимому, все-таки не хотел отказаться от своих надежд. 25 января 1790 г. он писал своему брату: «Г. де ла Тур отложил издание своей газеты до начала ноября, и моя корреспонденция до сих пор не оплачена, хотя он сообщил мне, что я не понесу никаких потерь»¹³. 26 января, успокаивая рассерженного Одиффре, огорченного и неудачей с ла Туром и неуспехом в распространении «Постоянного кадастра», Бабеф писал, что ла Тур «должен был начать выпуск своей корреспонденции 21 (ноября.— В. Д.) перед возобновлением работы парламента», и лично обещал, что «первая статья в этом издании будет принадлежать нам»¹⁴. Еще 20 марта 1790 г. он переслал Одиффре копию полученного от ла Тура письма и просил лично повидаться с Панкуком и напомнить о принятых им обязательствах¹⁵. Однако тот факт, что Бабеф не отослал в Лондон уже вполне подготовленного им к печати второго обзора и не обработал черновик третьего, свидетельствует о том, что и у него исчезла надежда на осуществление лондонского предприятия.

Благодаря этой неудаче в наших руках сохранился подлинник рассказа Бабефа как очевидца (а, может быть, и участника)¹⁶ октябрьских событий 1789 года. Для нашей же темы эта рукопись представляет особый интерес: в ней содержится первый отзыв Бабефа о Марате.

II

Бабеф описывает события по дням, начиная с 1 октября. Первое упоминание о Марате относится к 4 октября и связано с обсуждением в муниципалитете жалобы на «Друга народа» со стороны Жюли, одного из секретарей муниципалитета (в 1792 г. министра юстиции в министерстве фейянов, сменившего Дюмурье). Чтобы правильно оценить этот отзыв Бабефа о Марате, нужно сделать одно предварительное замечание. В обзоре Бабефа есть две темы, которые больше всего его волнуют: продовольственная нужда в Париже и борьба за свободу печати. С напряженным вниманием следил будущий редактор «*Journal de la liberté de la presse*» за политикой парижского муниципалитета в этом вопросе, за всеми ее колебаниями. 1 октября — этим открывается второй обзор — муниципалитет отменяет свое постановление о необходимости получения разрешения на выпуск печатных произведений. Являлось ли это шагом к полной отмене цензуры, как надеялись некоторые оптимисты, или за туманными, очень двусмысленными формулировками этого решения скрывались подготовительные мероприятия для внезапного удара против важнейшего завоева-

¹² J. P. Audiffred à Babeuf, 14 ноября 1789 г. (ИМЛ).

¹³ G. Babeuf à son frère, 25 января 1790 г. (ИМЛ).

¹⁴ Babeuf à J. P. Audiffred, 26 января 1790 г. (ИМЛ). В своем ответе, датированном 28 января, Одиффре писал: «Я знаю совершенно точно, что нельзя рассчитывать на г. де ла Тура, поэтому прекрасные надежды, которыми вы обольщаетесь, меня несколько не успокаивают. Г. Боффр из Лондона осведомляет меня обо всем» (J. P. Audiffred à G. Babeuf — ИМЛ).

¹⁵ G. Babeuf à J. P. Audiffred, 20 марта 1790 г. (ИМЛ).

¹⁶ «Я оставался в Париже до Версальских дней 4 и 5 октября, когда я голосовал вместе с мужественными парижанами» (G. Deville. *Notes inédites de Babeuf sur lui-même*. «La Révolution française». Т. 49. Paris. 1905, p. 41).

ния революции? Бабеф — это делает честь его пронизательности — придерживается второго мнения. Вот почему он особо настороженно и внимательно следит за всеми действиями муниципалитета в этой области.

3 марта «Комитет полиции» муниципалитета обрушился на брошюру «Мятеж евреев в Авиньоне, или черный заговор против папского вице-легата», изданную в типографии Моморо, называвшего себя, как отметил Бабеф, «первопечатником свободы» (*premier imprimeur de la liberté*). Это — первое упоминание Бабефом фамилии одного из будущих виднейших кордельеров и эбертистов. При всем своем недоверии к муниципалитету Бабеф оказывается на этот раз на его стороне против своего будущего союзника. Бабеф одобрил выступление комитета полиции: «Действительно, давно пора вернуться к фанатическим предрассудкам, так давно существующим против этого мирного народа, несчастной жертвы преследований со стороны всех сект. Комитет полиции... объявил мятежными, ложными и клеветническими факты, содержащиеся в этом произведении, на основании, несомненно, полной неправдоподобности обвинений против людей, характер которых был всегда противоположен духу мятежа». Формулировку решения Бабеф признал полной «достоинства», как направленную против того, чтобы «вызвать опасное недоверие к целому сословию граждан, существование которого разрешено законами».

Но 4 марта муниципалитет, как и ожидал Бабеф, снова вернулся к вопросу о «злоупотреблениях» свободой печати и на этот раз обрушился на № 24 «Друга народа» в связи с резким выступлением Марата против Жоли, которого он обвинил в подлоге¹⁷. «Дело Жоли» явилось предметом обсуждения в муниципалитете и привлекло к себе пристальное внимание Бабефа. Подробно и несколько иронически изложив выступление Жоли и решение муниципалитета, Бабеф дал свою оценку поведения Марата. «Г. Марат,— писал он,— глупец и злобный человек, если он изложил свои обвинения без доказательств. Он ревностный патриот и, как он сам говорит, друг народа, если он обвиняет с достаточным основанием муниципальное должностное лицо, честность которого важна для всех, кто подчинен администрации, в которой он принимает участие». Поэтому Бабеф одобрил решение передать дело в суд, поскольку это единственная возможность для обвинителя «привести свои доказательства», а для беспристрастной инстанции — «разобрать обвинение».

Чтобы правильно оценить эту позицию Бабефа, следует помнить, что выдвинутое Маратом обвинение в подлоге действительно оказалось необоснованным, и Марат вынужден был от него отказаться. Конечно, у Бабефа было тогда еще слишком много иллюзий и доверчивости. Он не представлял себе, что процедура судебного разбирательства в Шатле будет только расправой над Маратом, что королевский прокурор Фландр де Бренвилль меньше всего станет беспокоиться о том, чтобы предоставить Марату возможность доказать свои обвинения. Через два месяца, в январе 1790 г., все это стало очевидным, и, оказавшись тогда Бабеф в Париже, он, несомненно, вместе с возглавлявшимся Дантоном дистриктом Кордельеров выступил бы против попытки Байи и Лафайета расправиться с Маратом.

Бабеф целиком признавал необходимость разоблачения ответственных должностных лиц. «Излишнее доверие к человеку, занимающему пост,— писал он в своей корреспонденции,— высокое мнение, которого обычно о нем придерживаются, уважение, которое обычно воздают заслугам, признаваемым за ним, не является основанием, препятствующим тому, чтобы его можно было обвинять». Но перед лицом подготавливавшегося нападения на свободу печати Бабеф опасался того, что необоснованным

¹⁷ «L'Ami du peuple», № XXIV, 4 octobre 1789, «Leure de l'Hôtel de Ville de Paris», p. 208. Марат ссылаясь в своей статье на обвинение, выдвинутое против Жоли одним графом, фамилии которого он не мог вспомнить при печатании номера. В № XXVI Марат ее указал (граф д'Эпернэ).

обвинением в подлоге Марат даст аргумент в руки противников демократической печати. В этом ключ к пониманию его позиции в деле Марата — Жюли, к осуждению им Моморо. Слабую сторону в позиции Марата он заметил безошибочно.

Следующая запись Бабефа о Марате относится к 7 октября: «Марат проявил сегодня в № 26 «Друга народа» пылкое рвение (*un zèle véhément*), которое не всем понравилось. Он обрушился на донос г. Жюли-афиша которого, называемая Маратом оскорбительным плакатом, появилась 4-го. Он сообщил, что во время печатания № 24 не знал фамилии (свидетеля, обвинявшего Жюли в подлоге. — В. Д.). Это граф Эпернэ, командующий национальной гвардией в предместьях Парижа... Он требует от графа Эпернэ публично подтвердить правильность содержания изобличающего № 24 и заявить, что Друг народа не произнес ни одного звука, противоречащего правде». Не ограничившись нападением на муниципалитет Байи, Марат в этом же номере газеты резко выступил против Неккера. Марат обвинял Неккера в том, пишет Бабеф в своей корреспонденции, что последний «старался вернуть в руки короля цепи деспотизма, что он перестал выдавать себя за защитника народа как раз тогда, когда, благодаря энтузиазму народа, он был восстановлен, что он трусливо покинул его, чтобы искать милости у изменников отечества, что, пользуясь слепым доверием преданного ему народа, благодаря настойчивым требованиям которого его вернули из изгнания, он довел варварство до того, что, став во главе подлых скупщиков, хотел заставить его погибнуть от нищеты»¹⁸.

Бабеф здесь же дает оценку выступления Марата: «Если бы жалобы г. Марата были обоснованы, если бы он был в состоянии доказать то, что он утверждает, если бы в то время, как вся Франция считала министра честным человеком, он, единственный, был бы настолько талантлив, чтобы разглядеть в нем изменника, прикрывшегося лицемерием, и разоблачил бы... все его преступные маневры, его изобличения явились бы актом мужества и подлинного патриотизма, за который нация обязана была бы ему вечной признательностью. Но если этот акт является только клеветой... такое покушение может быть только наказано. Г. Марату потребуются серьезные доказательства, чтобы оправдать свое обвинение, поскольку чувства, вызванные тем, кого он обвиняет, таковы, что французы колеблются признать его способным к совершению зла, даже, если бы они его и заметили. Во всяком случае он внушит к себе уважение не эпитетами вроде «глупо обожаемый», «тщеславный интриган», «проходимец» (*chevalier de l'industrie*)¹⁹ и другими, а доказательствами, которых разум требует от того, кто берет на себя смелость изобличать».

Внимательно следя за всеми перипетиями борьбы, начатой Маратом против Неккера, Бабеф вернулся к ее освещению в своем описании событий следующего дня, 8 октября.

В этот день состоялось решение муниципалитета, в котором разносчикам газет под страхом ареста как «нарушителям общественного спокойствия» запрещалось выкрикивать что-либо, кроме декретов Национального собрания, королевских ордонансов и постановлений судов. Это решение укрепило Бабефа в его убеждении, что предстоят новые ограничения свободы печати. «Как ошибались те, кто рассматривал решения 1 октября (об отмене выдачи разрешений. — В. Д.) как подразумевающие полный отказ со стороны представителей Коммуны от сложных функций цензуры;

¹⁸ Бабеф излагает статью Марата в № XXVI «L'Ami du peuple» — «Suite des réflexions sur les dettes du gouvernement, devenues nationales, sur le plan du premier ministre des Finances et le moyen de faire face aux besoins de l'Etat».

¹⁹ Бабеф имеет в виду следующие места из статьи Марата: «Нужно иметь душу подлинного философа, а не сердце тщеславного интригана» («L'Ami du peuple», p. 224), «ваше царство кончилось... Напрасно мудрец будет искать в вас государственного человека. Он найдет только проходимца» (там же стр. 226).

как будут опечалены, по-иному, те, кто разглядел за неясностями этого постановления подготовительные мероприятия для того, чтобы... принять сразу крутые меры против свободного обмена мыслями». Но это решение как отмечал тут же Бабеф, стояло в непосредственной связи с преследованиями против Марата. «Некоторые считают, — пишет он, — что, возможно, № 27 «Друга народа» побудил муниципалитет вынести это резкое решение. Г. Марат продолжает в нем преследовать Неккера с большим ожесточением, чем когда-либо. Он спрашивает, кто еще может сомневаться в том, что экспорт (зерна. — В. Д.), который, как установлено, продолжался и после декрета Национального собрания о его запрещении, был только одной из губительных операций министерства и правительственных скупщиков, так же как и страшный голод столицы и большинства городов королевства, которые... получали только испорченное зерно от администрации финансов... Отеческие заботы этого министра состоят в том, чтобы доставлять из-за границы испорченное зерно, продавать его потом нам по дорогой цене и вывозить за границу наше великолепное зерно, которое потом перепродают нам по высокой цене».

Очень интересно свидетельство Бабефа о впечатлении, произведенном в Париже этими номерами маратовской газеты. «Этот № г-на Марата, произведший еще больше шума, чем предыдущий, дал некоторым основание утверждать, что автора подстрекают аристократы, чтобы раздуть беспорядки, а другим, что те, кто так говорит, сами являются аристократами, желающими, чтобы существовали еще люди и вещи, о которых говорить нельзя. Самая здоровая часть считала, что Друг народа нажил себе очень опасных врагов». Что к этой части относился и сам Бабеф, кажется совершенно несомненным.

Борьба Марата с Неккером, касавшаяся наиболее важного для Бабефа вопроса о продовольствии, чрезвычайно его заинтересовала. Это видно из сноски, сделанной Бабефом в рукописи, адресованной де ла Туру: «Так как это дело становится серьезным, я думаю, что г. де ла Тур будет доволен, если я отдельно изложу его во всех подробностях, с самого начала»²⁰.

Таков этот первый, остававшийся до сих пор неизвестным отзыв Бабефа о Марате. Он любопытен во многих отношениях. Это — прежде всего ценное показание современника о том большом впечатлении, которое произвели в Париже октябрьские выступления Марата. Он характерен и для определения политических симпатий и интересов самого Бабефа. Нельзя упускать из виду, что в октябре 1789 г. Марат был еще только начинающим публицистом, выпустившим всего два десятка номеров газеты. Чрезвычайно интересно, что в море парижской публицистики 1789 г. Бабеф выделил именно Марата и из двадцати страниц своего второго «лондонского письма» посвятил ему около четырех.

После знакомства с этим отзывом отпадает упрек, брошенный Бабефу Матъезом и Домманже. Во всяком случае, отношения между Бабефом и Маратом никак не могут быть уложены в формулу перехода от «*éloges*» к «ядовитым нападениям». В позднейшие годы Бабеф с гордостью принимал кличку «пикардийского Марата». Однако между ними, как мы видим, даже в 1789 г. не было отношений «учителя» и «ученика». Уже тогда Бабеф отнесся к Марату с большим вниманием, но критически.

В свое время Жорес отметил, как вдумчиво, глубоко и совершенно отлично от большинства своих союзников по демократическому лагерю оценил Бабеф события 14 июля²¹. Теперь мы имеем свидетельство Бабефа об октябрьских днях 1789 года. Он проявил большую проницательность и наблюдательность в их оценке: Бабеф выделил роль рабочих (он пи-

²⁰ Эта сноска сделана на полях черновой рукописи «лондонской корреспонденции» (стр. 51). В перебеленном для печати экземпляре место для примечания оставлено, но самая сноска не перенесена.

²¹ J. Jaurès. La Constituante (Éd. revue p. A. Mathiez). Paris. 1927, p. 304—306

шет о походе на Версаль «женщин и рабочих столицы» (разрядка наша.— В. Д.), он определил главную пружину всего движения — продовольственный вопрос, и он сразу оценил значение дистрикта Корделье-занять виднейшее место в наших летописях».

В критических высказываниях Бабефа по адресу Марата кое-что должно быть, конечно, отнесено за счет его демократических иллюзий, которые сказались у него и позднее, в первоначальной оценке 9-го термидорезкости Марата. Но уже тогда он глубже, чем Марат, проникал в сердцевину происходивших во Франции социально-экономических процессов, вызывавших продовольственные затруднения.

Для Марата голод в Париже — это результат личных спекуляций Неккера. «Скупщики,— писал Марат в № 28 «Друга народа»,— как и большинство администраторов муниципалитетов, являются только послушными орудиями в руках первого министра финансов; только он один является виновником голода, который мы так давно переживаем; только он один является душой всех губительных спекуляций на хлебе, достойных стать рядом с его ростовщическими спекуляциями, разорившими Францию»²². Достаточно убраться Неккера, и во Францию сразу же вернется изобилие.

Чрезвычайно интересно сопоставить с этим мнение Бабефа, считавшего в те же октябрьские дни 1789 г. единственным выходом из продовольственных затруднений «таксацию» — установление твердых цен. «Пока мы не придем,— пишет он в своей корреспонденции,— к таксации (taxation), мы всегда будем испытывать недостаток, и любые продовольственные комитеты не помешают нам страдать от голода». В черновой рукописи, оставшейся недоработанной, содержатся очень интересные наблюдения Бабефа за хлебным рынком района Сантерра (Пикардия) — одной из житниц Франции. Он стремился понять, почему поток товарного зерна, шедший оттуда по направлению на Париж, не доходил до столицы. И естественно, что Бабефу казался односторонним и полемически заостренным взгляд Марата, видевшего в тот момент в Неккере, и только в Неккере, причину всех продовольственных затруднений во Франции. Нельзя не вспомнить при этом, что Марат еще в феврале — марте 1793 г. категорически высказывался против введения твердых цен, против «максимума».

III

В следующем, 1790 г. Марат и Бабеф выступают уже как союзники. Этот эпизод в их взаимоотношениях связан с борьбой против косвенных налогов, против акцизных поборов и соляной пошлины (aides et gabelle).

4 сентября 1789 г., еще будучи в Париже, Бабеф писал своей жене: «Хочу знать все, что происходит в Руа... Платят ли еще акцизы? Продаются ли свободно соль? Мой брат мог бы сообщить мне подробно обо всем этом... Как составлена гражданская милиция? Происходят ли собрания граждан? Во всех городах дела идут хорошо, но в Руа еще слишком много безразличия и мало патриотической энергии»²³. Таким образом, уже в Париже у Бабефа сложился план борьбы против особо ненавистных акцизных сборов и соляной пошлины. Он стремился втянуть в революционное движение самые широкие слои городского и деревенского, пока еще «безразличного» населения. Глубоко не прав новейший биограф Бабефа, Ж. Вальтер, когда эту главу своей книги он озаглавил «На служ-

²² «L'Ami du peuple», № XXVIII, 8 octobre 1789, p 238.

²³ Babeuf à sa femme, 4 сентября 1789 г (ИМЛ).

бе у кабатчиков Руа»²⁴. «Я защищал дело бедных против несправедливости богатства», — с полным правом указывал Бабеф в своем письме из тюрьмы Консьержери 22 мая 1790 года²⁵.

Мы не имеем здесь возможности подробно осветить всю борьбу, начатую Бабефом в Руа и очень быстро охватившую значительную часть Пикардии. Но тактический план, намеченный им еще в Париже, вполне себя оправдал. Когда в 1793 г. Бабеф писал администратору парижской полиции, Менесье, будущему бабувистскому агенту 3-го парижского округа, что его брошюра и петиция против «*aides et gabelle*» «наэлектризовала» все население Соммы²⁶, он не преувеличивал. Позднее мы приведем описание встречи Бабефа после его выхода из тюрьмы, но достаточно красноречиво говорит об этом письмо одного из жителей Руа еще от 10 апреля 1790 г.: «г. Бабеф является Ван-дер-Нутом этой местности. Он самый непримиримый враг откупщиков и их приспешников... самая твердая опора предместий нашего города и Перонна, где недавно ему была устроена триумфальная встреча»²⁷. Еще выразительнее отзывы противников Бабефа. Генеральный прокурор акцизного суда, директория департамента Соммы, прокурор-синдик дистрикта Мондидье — все они совершенно единодушно характеризовали Бабефа как «главного зачинщика» происходившего в Руа и его окрестностях «восстания». «Бабеф является главным зачинщиком неповиновения законам и упорного сопротивления, которое жители Руа, Перонна и окружающих деревень оказывают временному восстановлению налогов», — пишет в своем постановлении директория департамента Соммы; «Бабеф — вождь мятежников, зачинщик всех беспорядков и восстаний, происходивших в Руа по различным поводам», — жалуется на него мэр Руа, а позднее прокурор-синдик Лонкам²⁸.

Бабеф чувствовал, как нарастал против него «гнев публиканов». 10 мая 1790 г. он писал своему другу, типографу Девену, после поездки в Сен-Кантен: «В Сен-Кантене я столкнулся с откупщиками, разъярившимися против возмутительного произведения. Мне понадобилось вооружиться мужеством, стать маленьким героем, чтобы уйти оттуда целым и невредимым... Нужно признаться, что никогда свора финансистов не испускала таких воплей, как те, которые она изрыгает после появления петиции... Без сомнения, я должен остерегаться их отчаяния»²⁹. Когда Бабеф писал эти строки, дальнейшее распространение его петиции было уже запрещено следственным комитетом Учредительного собрания, а 19 мая 1790 г. ночью Бабеф был арестован и препровожден в Консьержери. 21 мая он пишет свое первое письмо из тюрьмы, 23-го утром происходит его допрос. Это первое тюремное заключение Бабефа продолжалось около пятидесяти дней, он был освобожден 7 или 8 июля³⁰, правда, на очень странных основах — с сохранением в силе приказа о взятии его под стражу. Как шутливо писал Бабеф, он был заключен в тюрьму на основании того же самого приказа о взятии его под стражу, по которому двери тюрьмы снова раскрылись для его освобождения.

²⁴ G. Walter. Babeuf. Paris. 1937, pp. 36—38. «Бабеф стал доверенным лицом кабатчиков, уполномоченным защищать их интересы. Следует ли этому удивляться? Не следует ли, наоборот, считать совершенно нормальным и понятным постоянное желание Бабефа играть активную роль, как бы мала она ни была, в лихорадочные дни, переживаемые страной? Более широкая деятельность ему еще недоступна. Париж не захотел у него просвещаться».

²⁵ Babeuf à Rutledge, 22 мая 1790 г. (ИМЛ).

²⁶ Babeuf à Mennessier, 21 frimaire l'An II (15 ноября 1793 г.) (ИМЛ).

²⁷ Gambart à Devin, 10 апреля 1790 г. (ИМЛ). Ван-дер-Нут был руководителем бельгийской революции в 1788—1789 годах.

²⁸ По фотокопии из Archives Nationaux, хранящейся в ИМЛ.

²⁹ Babeuf à Devin, 10 мая 1790 г. (ИМЛ).

³⁰ На проекте обращения Бабефа к парижским дистриктам, написанном еще в тюрьме (ИМЛ), стоит дата «6 июля». 10 июля в Руа уже пришло известие о его освобождении; повидимому, оно произошло 7 или 8 июля.

Для истории взаимоотношений Бабефа и Марата это его первое тюремное заключение представляет особый интерес.

Бабеф всегда отмечал, что в его освобождении крупнейшую роль сыграл Марат. «Я опубликовал брошюру, — писал он Менесье в 1793 г., — против акцизов, соляной пошлины и других обременительных налогов. Это произведение наэлектризовало все население Соммы, оно предвосхитило уничтожение этих отвратительных налогов. Но аристократия со своей стороны спровоцировала приказ о взятии меня под стражу, согласно которому я должен был предстать в Париже перед акцизным судом, который тогда еще существовал. Марат, да, Друг народа Марат, был моим защитником в своей газете. Его пламенное перо дало мне возможность выйти незапятнанным из этого первого испытания»³¹. Примерно в то же время он писал Рессону: «Марат был моим защитником; благодаря ему и его энергии, соединенной с моей, мои цепи были с почетом разбиты после двух месяцев»³².

Марат выступил в «Друге народа» 4 июля. «Я разоблачаю сегодня, — писал он, — преступление в сто раз более страшное, чем то, которое было совершено против мнимых поджигателей застав, и вызывающее в сто раз большую тревогу у всех честных граждан, потому что предметом его явился человек, имеющий заслуги перед отечеством, потому что его дело должно заинтересовать всю нацию. Этот заслуживающий уважения человек — Бабеф, гражданин Руа».

Изложив историю ареста Бабефа, солидаризовавшись с содержанием его петиции против акцизов, Марат заканчивал призывом к Суле, Паке-ну, Бентаболу «отправиться в Консьержери, нанести патриотический визит нашему брату Бабефу, поддержать его мужество, оказать ему помощь и изыскать, путем распространения его книги, честную поддержку в нужде. Друг народа гордился бы, если бы он оказался их спутником, но он сам является пленником... Однако мысленно он повсюду будет следовать с ними и будет рад доброму делу, которое они совершат»³³. 6 июля в газете, в начале номера, появилась еще одна заметка, озаглавленная «Статья, пропущенная в предыдущем №»: «Друг народа требует в пользу угнетенного Бабефа, арестованного в Консьержери, великодушной помощи, которую дистрикты оказали мнимым поджигателям застав»³⁴.

До сих пор биографы Марата и Бабефа, ссылаясь на это выступление, отмечали односторонне только роль Марата в деле Бабефа³⁵. Никто, однако, не обратил внимания на ту активную роль, которую в этом выступлении «Друга народа» сыграл сам Бабеф. Между тем статья Марата 4 июля была только заключительным звеном целой кампании, которая велась на столбцах «Друга народа» против «fermiers généraux» и их жертв еще в июне 1790 г., причем организатором ее, как нетрудно убедиться, был сам Бабеф!

Арест Бабефа не был изолированным мероприятием со стороны «вампилов фиска», «fermiers généraux» и государственного аппарата, связанного с влиятельными группами откупщиков и финансистов. После 14 июля фискальный аппарат был как бы парализован, взимание акцизов фактически прекратилось. Но, когда резко сократились все доходные поступления в государственный бюджет, откупщики попытались воспользоваться этим стесненным положением казначейства, чтобы восстановить прежнюю систему взимания акцизов. Уже в марте 1790 г. в Париже бы-

³¹ Babeuf à Mennessier, 15 ноября 1793 г. (ИМЛ).

³² Babeuf à Raisson, 25 frimaire de l'An II (15 декабря 1793 г.) (ИМЛ). Рессон был членом республиканской продовольственной комиссии.

³³ «L'Ami du peuple», № CLIII, 4 juillet 1790.

³⁴ «L'Ami du peuple», № CLV, 6 juillet 1790.

³⁵ M. Dommanget (указ, соч., стр. 92) отмечает только статью Марата в № 153; A. Espinas («La philosophie sociale du XVIII siècle et la Révolution». Paris. 1898) ошибочно приписывает вмешательству Марата освобождение Бабефа после «второго ареста» (стр. 218).

ли восстановлены заставы, сожженные народом еще 12 июля 1789 г., накануне взятия Бастилии. Поэтому выступление Бабефа приобретало далеко не местное значение, и «инсurreкция» в Руа, а затем во всей Пикардии не могла не обратить на себя внимание «вампилов фиска» в Париже, обеспокоенных идентичными вспышками и в других частях Франции. Когда Бабеф писал: «...это дело является первым проявлением ярости публиканов против энергии патриотов, и если я выйду побежденным из этой борьбы... я буду только первой жертвой, первым мучеником аристократии, но вскоре — увы! — в список умерших в результате юридических убийств войдет больше трех четвертей нынешнего поколения»³⁶, — он увеличивал цифру, но был прав по существу.

Арест Бабефа открыл целую полосу репрессий. 16 июня в Париже, в квартале Куртиль (предместье Тампль), были арестованы 8 человек по обвинению в сожжении 12 июля столичных застав. 18 июня было арестовано еще 5 человек. Так как количество участников событий 12 июля исчислялось, по меньшей мере, тысячами, в Париже стал распространяться вполне правдоподобный слух, что заготовлены приказы об аресте еще 500—600 человек. Дело начало приобретать широкий общественный резонанс, в Париже забил тревогу «L'Ami du peuple». На его столбцах 19 июня появилась заметка «Новость, сообщенная автору», представлявшая собой письмо из Консьержери с сообщением об арестах «поджигателей застав» и тяжелых условиях их заключения. Вслед за этим в номере шла большая статья самого Марата³⁷.

25 июня в газете появилось новое пространное сообщение (почти на 4 страницах), «Информация, присланная автору из Консьержери», содержавшая гневный протест против новых арестов и призыв к французам действовать³⁸.

Выступление газеты, несомненно, содействовало тому, что делом «поджигателей застав» занялось Учредительное собрание. Докладчик Мюге на заседании 1 июля, указав, что по предложению генерального прокурора акцизного суда 10 мая было издано 80 приказов об арестах, выделил в своем сообщении как раз те аресты 16 и 18 июня, о которых первой сообщила газета Марата. При возражении только со стороны аббата Мори собрание приняло специальный декрет, отклонявший мероприятия акцизного суда. «Учитывая, что процедура, начатая парижским акцизным судом ... может вселить тревогу не только в столице, но и во всех департаментах, где могут быть начаты такие же преследования», Учредительное собрание предписывало освободить всех лиц, задержанных акцизным судом (cour des aides)³⁹.

4 июля Марат выступил со статьей «Неудача заговора акцизного суда, откупщиков и министра финансов»⁴⁰. Поздравляя себя с тем, что он «первым разоблачил страшный заговор против граждан, поднявших в Париже знамя национального восстания, заговор, гнусными участниками которого были откупщики и акцизный суд», Марат писал: «Сведения, которые я печатал, когда бил тревогу 19 и 25 прошлого месяца, были адресованы мне из темницы Консьержери достойным человеком, томящимся в ней уже больше пяти недель, до сих пор не освобожденным, имя которого я скрывал до сих пор, чтобы не подвергнуть его тайной мести злодеев».

³⁶ Фрагмент неозаглавленной рукописи (ИМЛ, 31 В 1), судя по содержанию, написанной в тюрьме в июне 1790 года.

³⁷ «L'Ami du peuple», № CXXXVIII, 19 juin 1790 («Horrible attentat des fermiers généraux et de la cour des aides contre huit infortunés, jettés dans les cachots de la Conciergerie»).

³⁸ «L'Ami du peuple», № CXLIIV, 25 juin 1790 («Nouveaux attentats des fermiers généraux et de la cour des aides contre cinq citoyens»).

³⁹ «Moniteur» (Réimpression). Vol. 5, p. 23—25.

⁴⁰ «L'Ami du peuple», № CLIII, 4 juillet 1790 («Conjuration avortée de la cour des aides et de la ferme générale avec le ministre des finances.— Affreux attentats de conjuré contre un excellent patriote, prisonnier de la Conciergerie»).

Он посылает мне следующее письмо»⁴¹. Вслед за этим Марат напечатал письмо, адресованное ему 1 июля из Консьержери, а дальше следовало приведенное нами выше выступление в защиту Бабефа.

Сейчас нетрудно установить, кто был этот анонимный корреспондент Марата. Очевидно, что автором всех трех указанных в газете писем из выступлений газеты против «fermiers gènéraux» и в защиту «поджигателей застав», был Бабеф. Достаточно обратить внимание на слова Марата о том, что автор корреспонденций находится в Консьержери «больше пяти недель» и до сих пор не освобожден. Бабеф был привезен в Париж 22 мая, а Марат писал в первых числах июля; срок тюремного заключения Бабефа как раз и составлял «больше пяти недель».

Но мы располагаем теперь и прямым свидетельством самого Бабефа. Находясь в Консьержери, он вел лихорадочную деятельность и обширнейшую переписку. Одним из его корреспондентов был пикардийский «земляк» Бабефа, граф Лораге. В пространном письме к нему из Парижа уже после освобождения (20 июля), к которому мы еще вернемся в другой связи, Бабеф, объясняя сложный характер его «условного освобождения», сообщал: «Легко угадать причины, которые вынудили судей из акцизного суда действовать таким образом. Им было известно, что я руководил движением, которое привело к принятию знаменитого декрета 1-го июля, касающегося поджигателей застав. Они видели, что продолжение моего ареста не приведет ни к чему, что я стану только яростнее наносить удары откупщикам. Они надеялись, что, ослабив суровость преследований, добьются того, что я смягчусь и стану не столь страшным врагом, но они хотели, чтобы я страшился показаться в своей провинции, где мое присутствие, по их мнению, могло бы вызвать новый взрыв и укрепить налогоплательщиков в решимости не платить больше акцизов. Они не сочли возможным держать меня дальше в тюрьме по одному соображению, все значение которого вы сейчас поймете. Марат, Друг народа, заявил в своем № 155 (после того, что он опубликовал в своем № 153, пятьдесят экземпляров которого я вам переслал): «Друг народа требует для угнетенного Бабефа, арестованного в Консьержери, великодушной помощи, которую дистрикты оказали мнимым поджигателям застав, в защиту настойчивых усилий и неограниченной преданности этого мученика доброго дела» (разрядка наша.— В. Д.).

В помощь этому тревожному сигналу, который должен был очень обеспокоить ростовщиков, я подготовил обращение к 60 дистриктам, будучи заранее уверен в благоприятном к нему отношении. Уже шла речь о том, что несколько тысяч храбрецов откроют мне двери Консьержери, и вампиры фиска, которые заметили эти довольно серьезные приготовления, побоялись ожидать их осуществления»⁴².

Письмо к Лораге неопровержимо устанавливает роль Бабефа в деле борьбы за освобождение «поджигателей застав» и принадлежность ему всех трех адресованных из Консьержери и появившихся в газете Марата корреспонденций. В словах Бабефа, что его освобождение было результатом «энергии Марата, соединенной с моей», нет ни капли преувеличения⁴³.

⁴¹ Там же, стр. 4—5.

⁴² Babeuf à Lauraguais, 20 июля 1790 г. (ИМЛ).

⁴³ Отметим, что в письме к Лораге Бабеф в кавычках приводит текст заметки из № 155, но последний строк (взятых нами в разрядку) в тексте газеты нет. Это дает основание для предположения, что и заметка в основном была составлена самим же Бабефом, а Марат только редактировал ее и опустил последнюю фразу. Во всяком случае, в черновиках Бабефа есть письмо, начинающееся упреком адресату в том, что он не поместил статьи в последнем № газеты. Мы полагаем, что упрек этот был обращен к Марату, после чего он и напечатал «статью, опущенную в предыдущем №»

После ознакомления с «лондонскими письмами» для нас нет ничего удивительного в том, что Бабеф, еще в октябре 1789 г. внимательно следивший за газетой Марата, именно к нему обратился за поддержкой из тюрьмы. Летом 1790 г. они выступали как союзники. Однако теперь мы можем установить, что в этом столкновении с мощной группировкой откупщиков и «вампилов фиска» роль застрельщика и инициатора принадлежала Бабефу.

Из первого своего серьезного жизненного испытания Бабеф с помощью Марата вышел победителем. Весть об этом, письмо Бабефа о своем освобождении вызвали в Руа подлинное ликование. «Как только я получил ваше письмо,— сообщает Бабефу Губо (повидимому, трактирщик и один из организаторов петиции),— я поделился с некоторыми лицами, бывшими у меня. В одно мгновение об этом узнал весь город, каждый чертовски торопился рассказать об этом другому. Более отдаленные жители сперва не верили распространявшемуся слуху, и ко мне потянулась целая процессия, чтобы проверить его, и после этого каждый кричал «Браво! Он освободился!». Лолен и некоторые другие прибежали ко мне в одиннадцать часов вечера, и я вынужден был одолжить им это письмо чтобы они могли показать его у себя; они были так счастливы, что плакали от радости. Они требуют... узнать, когда вы приедете, чтобы выйти к вам навстречу... Вы должны дать им это удовлетворение, как и мне, дорогой брат... Какая радость для всех наших мужественных сограждан и какой удар грома для всех вероломных»⁴¹.

V

О том, как произошла эта встреча, о популярности Бабефа среди простых «маленьких людей» тогдашней Пикардии говорит письмо Бабефа к его жене, остававшейся еще в Париже. Его рассказ настолько искренен и непосредственен, что мы разрешим себе привести его несколько подробнее.

Бабеф оставил Париж, повидимому, 8 августа. Он добрался пешком до Порт-Сан-Максанс (одного из важных транзитных пунктов по пути из Парижа в Руа) рано утром, в воскресенье девятого. «Я остановился, чтобы позавтракать в маленьком кафе, напротив дома брата Добе из Руа. Я рассказал о себе. Это привлекло довольно значительную группу людей, торопившихся принести мне свои поздравления. Мне жали руки, обнимали; здесь уже видели номера Марата, где он сообщал о моем деле; у меня спрашивали, нет ли у меня еще номеров газеты: я роздал несколько экземпляров. Их жадно читали, вырывали друг у друга. Меня упрекали, почему я не кричал «Ко мне, нация!», когда я проезжал со своими полицейскими, в военной форме» (Разрядка наша.— В. Д.).

Среди присутствовавших оказался один торговец табаком из Эр (Aige), настоявший на том, чтобы подвезти Бабефа до Руа. «Повсюду, где мы останавливались, он торопился сообщать, кто я, что со мной случилось и как я себя вел. Тогда мне приходилось выдерживать столько объятий, сколько бывало слушателей у гражданина из Эр. Когда мы прибыли в Толлилуа, меня узнали, я вынужден бы выйти и отправиться к Леконту, шорнику и трактирщику. Добрая часть деревни собралась, чтобы осмотреть меня, как диковинку. Объятия, приветствия, поздравления со всем деревенским чистосердечием, таковы были первые проявления радости, которую выражали все честные крестьяне, толпившиеся вокруг меня...»

Несмотря на все меры предосторожности, предпринятые Бабефом, чтобы въехать в Руа незамеченным, достаточно было ему зайти в первый же дом, как «все сразу наполнилось, и у стола собралось около двадцати человек. Понадобились бы еще две страницы, чтобы рассказать подробно

⁴¹ Goubau à Babeuf, 10 июля 1790 г. (ИМЛ, 27 В V).

о радости, царившей за этим ужином... В день моего приезда был избран новый мэр города; если бы они были предупреждены о моем приезде, я был бы избран, независимо от моего желания... На следующий же день после возвращения ко мне прибежало много крестьян с просьбой о советах, составлении жалоб, но подготовка к изданию газеты не дает мне возможности удовлетворить их просьбы»⁴⁵.

Меньше всего Бабеф собирался предаваться покою. В сентябре 1789 г. он задумал план борьбы против «aides et gabelle». Он не отказывался от продолжения этой борьбы, но еще до ареста у него начал складываться иной план, чрезвычайно интересный для понимания социально-экономических взглядов Бабефа. Он написал о нем Лораге из Консьержери еще 25 мая 1790 г.: «У меня на кончике пера план, как распорядиться церковными имуществами, который мог бы привлечь очень многих. Он приостановил бы проект распродажи и оказался бы выгодным и государству, и отдельным лицам»⁴⁶. 20 июля, после освобождения, в письме к Лораге, которое было уже нами частично изложено выше, жалуясь на недопустимую доверчивость парижан, на их «неописуемое унижение», на позорное, раболопное отношение их к Лафайету, которому «они целуют сапоги и лошадь при каждой встрече», на то, что «вся эта глупая нация потеряла голову... буквально обезумела», то есть вполне соглашаясь с мнениями и оценками Марата по адресу «зевак-парижан» (любимое выражение Марата), он смело ищет выхода на таких путях, которые Марат отвергал даже в 1793 году.

«Если бы я чувствовал в себе необходимые способности,— писал Бабеф,— я попытался бы подтолкнуть народ, поставив какую-нибудь очень важную задачу, и таким путем противопоставил бы внушительную плотину этому неистовому потоку. Например, я попытался бы поднять только одну провинцию, потому, что законы, которые объединенные силы этой провинции навяжут Законодательному корпусу, по необходимости станут общими для всего королевства, ибо великий замысел состоит в том, чтобы составить единый кодекс для всего государства. Для осуществления моих целей я наводнил бы все части этой провинции произведениями, затрагивающими те предметы, к которым я хотел бы привлечь внимание большинства. Что касается выбора этой задачи, то акцизы и сальная подать всегда будут иметь успех в деревнях (петиция произвела сенсацию даже в Париже, согласно № 153 Марата). Но есть другой предмет, который может заинтересовать малоимущих крестьян (les cultivateurs peu fortunés), то есть как раз большинство из них; будучи хорошо продуман, он доставит много приятного для всех и оживит множество надежд. Дело идет о том, чтобы показать каждому крестьянину одной из провинций, что право на долгосрочную аренду (bails à longues années) церковных земель будет гораздо более выгодным для нации, для каждого человека и для государственного казначейства, чем продажа по низкой цене нескольким компаниям капиталистов и спекулянтов (capitalistes et agioteurs)».

Бабеф сообщает далее, что он обдумывал этот проект еще до своего ареста, что этот вопрос попытался разработать в брошюре сын одного деревенского священника, Шевалье, но, по его мнению, этот опыт был очень несовершенным. «Но, если вы считаете,— предлагает он Лораге,— что это подойдет для подготовки умов до того, как им представят что-либо более ясное, более убедительное и более подходящее для того, чтобы уговорить их принять участие в движении... я призываю вас для блага большинства распространить это произведение в сотнях коммун, где много

⁴⁵ Babeuf à sa femme, 20 августа 1790 г. (ИМЛ). Бабеф готовился к изданию газеты «Le Correspondant picard». О популярности Бабефа в 1792 г. в Пикардии писал Ж. Лефевр в своем очень интересном этюде «Où il est question de Babeuf» (G. Lefebvre. Etudes sur la Révolution française. Paris 1954).

⁴⁶ Babeuf à Lauragais, 25 мая 1790 г. (ИМЛ).

церковных имуществ». Бабеф подчеркивает в заключение, что нужно действовать немедленно, пока еще есть время. Распродажа имуществ еще не производится, и можно предупредить «расхищение имущества левитов», но через несколько недель будет уже поздно. «Тот, кто воспротивится расхищению земель этим прекрасным мероприятием (ce beau coup de force) или будет ему содействовать, заслужит, без сомнения, признательность большинства честных людей»⁴⁷.

Совершенно очевидно, что Бабеф выдвигал здесь в отношении церковных земель чрезвычайно смелый план. По существу он предлагал и национализацию и предоставление только в пользование на условиях долгосрочной аренды, имея в виду интересы как раз малоимущих крестьян. Не будет преувеличением, если сравнить эти «bails à longues années» Бабефа с «гомстэдами», завоеванными фермерами американского Запада в результате гражданской войны. Социальная мысль Марата так далеко никогда не заходила.

Мы рассмотрели на основании некоторых новых материалов историю взаимоотношений Марата и Бабефа в начале революции. В школе революционного действия Бабефу предстояло еще многому учиться, хотя он успел уже извлечь немало уроков за эти восемь бурных месяцев, с октября 1789 до лета 1790 года. К наследству Марата — революционного демократа — Бабеф возвращался неоднократно; об этом свидетельствует его конспект «Цепей рабства», составленный в 1794 г., об этом говорят газеты Бабефа после 9-го термидора, в которых он чрезвычайно часто апеллирует к традициям Марата. Когда в октябре 1794 г. издатель Бабефа, Гюффруа, нанес ему предательский удар, Бабеф, как он рассказал в своем обращении к Электоральному клубу, отправился «в убежище семьи Друга народа. В моей скорби какое-то невольное движение толкало меня в святилище свободы. Я рассказал жене и сестре Марата все, что случилось с тем, кто стремился идти по его стопам»⁴⁸. Но при всем бесстрашии, мужественности, решительности Марата этот виднейший представитель блестящей плеяды буржуазных «революционеров с народом» конца XVIII в. все-таки до самого конца своей жизни оставался только буржуазным демократом, между тем как идеи Бабефа уже в начале революции шли несравненно дальше. Недаром, вспоминая в 1793 г. о тех «смелых» идеях, которые он явился пропагандировать в Париж «из глубины того, что тогда называлось Пикардией», Бабеф писал Рессону, что постановка вопроса о справедливом распределении налогов в «Постоянном кадастре» «увлекла» его на то, чтобы «попутно затронуть самые важные вопросы великой революции, которую мы тогда подготовляли, и конечную цель которой не всем дано было даже заподозрить. Если ты прочтешь мою книгу, ты увидишь там, что один я, возможно, в то время был достаточно смел для того, чтобы предсказать и предложить уменьшение крупных состояний, почетное и обеспеченное существование для всех санюлотов с помощью труда...»⁴⁹.

Изучение социально-экономических взглядов Бабефа этого периода выходит за рамки нашей темы. Но сказанного, как нам кажется, достаточно для того, чтобы искать ключ к расхождению Бабефа и Марата весной 1793 г. не в «личной неблагодарности», а в том, что идеи Бабефа еще задолго до 1795 г. выходили за рамки создававшегося буржуазного общественного порядка.

⁴⁷ Babeuf à Lauraguais, 20 июля 1790 г. (ИМЛ).

⁴⁸ «Le Tribun du peuple», № 27, р. 231—232. Во время этого свидания Бабеф получил от сестры Марата, Альбертины, копию ее письма Фрерону и напечатал его в своей газете.

⁴⁹ Babeuf à Raison, 25 frimaire l'An II (15 декабря 1793 г.) (ИМЛ).